

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-47-58>

Единые правила России и Беларуси: к вопросу об осуществлении прав потребителей и усилении их защиты

В.В. Богдан¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: KurskPravo@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Защита прав потребителей уже не один десяток лет остается мейнстримом развития рыночных отношений. И несмотря на то, что научный интерес к проблематике сложно назвать удовлетворительным, за последние несколько лет законодатель и правоприменитель вполне успешно воплощают в жизнь основные принципы защиты прав потребителей. Российская система защиты прав потребителей весьма эффективно справляется с нарушениями на потребительском рынке. Российский законодатель реагирует на масштабное развитие и появление новых видов предпринимательской деятельности, в том числе в цифровом пространстве. Сближение национального законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь – процесс объективный. При таких обстоятельствах принятие Единых правил в области защиты прав потребителей актуально и своевременно.

Цель состоит в установлении содержания Единых правил в области защиты прав потребителей, утвержденных декретом Высшего государственного совета Союзного государства.

Задачи исследования: определить качественные различия содержания Единых правил и Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»; выявить противоречия и недостатки содержания Единых правил; раскрыть особенности механизма защиты прав потребителей по Единым правилам.

Методология. Статья выполнена на основе методов анализа, описания, обобщения, формально-юридического и системного методов.

Результаты. В ходе проведенного исследования было установлено, что подход к защите прав потребителей, заложенный в Единых правилах, основан на унификации российского и белорусского законодательства о защите прав потребителей. Вместе с тем в ряде ключевых случаев, определяющих как осуществление прав потребителей, так и их защиту, содержание Единых правил представляется непродуманным и противоречивым, что принесет значительные трудности при его применении в условиях реального конфликта.

Вывод. Применение Единых правил может существенно повлиять на механизм гражданско-правовой защиты прав потребителей в России. Вместе с тем их принятие породило правовую неопределенность для контрагентов потребителей.

Ключевые слова: Единые правила; защита прав потребителей; цифровой продукт; механизм защиты; международные соглашения; ответственность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Богдан В.В. Единые правила России и Беларуси: к вопросу об осуществлении прав потребителей и усилении их защиты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 47–58. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-47-58>.

Поступила в редакцию 25.06.2025

Принята к публикации 18.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Uniform rules of Russia and Belarus: on the issue of implementing consumer rights and strengthening their protection

Varvara V. Bogdan¹ ✉

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: KurskPravo@yandex.ru

Abstract

Relevance. Consumer protection has been the mainstream of market relations development for decades. And despite the fact that scientific interest in the issue can hardly be called satisfactory, over the past few years, legislators and law enforcement officers have been quite successful in implementing the basic principles of consumer protection. The Russian consumer protection system is very effective in dealing with violations in the consumer market. The Russian legislator is responding to the large-scale development and emergence of new types of entrepreneurial activity, including in the digital space. The convergence of the national legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus is an objective process. Under such circumstances, the adoption of the Uniform Rules in the field of consumer protection is relevant and timely.

Purpose is to establish the content of the Uniform Rules in the field of consumer protection, approved by the Decree of the Supreme State Council of the Union State.

Objectives are to determine the qualitative differences in the content of the Uniform Rules and the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights"; to identify contradictions and shortcomings in the content of the Uniform Rules; to reveal the features of the mechanism for protecting consumer rights under the Uniform Rules.

Methodology. The article is based on the methods of analysis, description, generalization, formal-legal and systemic methods.

Results. In the course of the conducted research, it was found that the approach to consumer protection laid down in the Uniform Rules is based on the unification of Russian and Belarusian legislation on consumer protection. At the same time, in a number of key cases that determine both the exercise of consumer rights and their protection, the content of the Uniform Rules appears ill-considered and contradictory, which will cause significant difficulties in its application in the context of a real conflict.

Conclusion. The application of Uniform Rules may significantly affect the mechanism of civil protection of consumer rights in Russia. At the same time, their adoption has created legal uncertainty for the counterparties of consumers.

Keywords: Uniform rules; protection of consumer rights; digital product; protection mechanism; international agreements; responsibility.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bogdan V.V. Uniform rules of Russia and Belarus: on the issue of implementing consumer rights and strengthening their protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):47–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-47-58>.

Received 25.06.2025

Accepted 18.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Исследование разноплановых проблем защиты прав потребителей на современном этапе развития цивилистической науки относится к весьма непростой научной задаче, поскольку эффектив-

ность ее разрешения зависит от погруженности ученого в тему. Сложно подвергнуть сомнению тот факт, что прикладная направленность превалирует над теоретической, что, однако, не исключает необходимости проведения фундамен-

тальных работ. Многогранность защиты прав потребителей как правового явления предопределена ее комплексностью, во многом публичным характером и императивностью норм, где, как может представиться на первый взгляд, совсем мало места остается гражданскому праву. Вместе с тем количество судебных споров гражданско-правового характера, возникающих из отношений с участием потребителей, занимают наибольшее место в общей статистике.

В науке гражданского права проблематике защиты прав потребителей уделяется большое внимание. В настоящее время, что вполне оправданно, акценты смещены на специфику защиты прав потребителей в цифровой среде: заключение договоров на маркетплейсах, взаимоотношения с агрегаторами товаров (работ, услуг), договорные отношения в онлайн-среде, в том числе порядок урегулирования споров и т. д. В частности, вопросы защиты прав потребителей при осуществлении онлайн-торговли раскрыты в трудах В.Д. Мельника [1; 2; 3], В.А. Белова [4; 5], А.Е. Шерстобитова [6], Д.А. Лепёшина, П.И. Петкилёва [7].

За период с декабря 2024 г. по июль 2025 г. было принято шесть федеральных законов, вносящих изменения в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей, Закон), вступающих в силу как в 2025 г., так и в 2026 г.¹, касающиеся таких аспектов, как

продажа и использование отдельных видов технически сложных товаров с предварительно установленными программами для электронных вычислительных машин, включая единый магазин приложений, новых конструкций «информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей», «многофункциональный сервис обмена информацией», обновленного механизма защиты прав потребителей при продаже дополнительных товаров (выполнении дополнительных работ, оказании дополнительных услуг) за отдельную плату, дополнительных обязанностей владельцев агрегаторов. Изменения направлены в том числе и на совершенствование защиты прав потребителей при осуществлении цифровой торговли.

Вместе с тем в декабре 2024 г. был принят декрет Высшего государственного совета Союзного государства, которым были утверждены Единые правила в области защиты прав потребителей (далее – Единые правила). 13 марта 2025 г. заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь по обеспечению равных прав потребителей, вступившее в силу 27 мая 2025 г. Статус Единых правил на сегодняшний день не

¹ См. подробнее: Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" (изменения вступают в силу с 1 сентября 2025 г.); Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (изменения вступают в силу с 1 марта 2026 г.); Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (изменения

вступают в силу с 1 сентября 2025 г.); Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" (изменения вступают в силу с 1 сентября 2025 г.); Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (изменения вступают в силу с 1 сентября 2025 г. и с 1 марта 2026 г.); Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 546-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10 и 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (изменения вступают в силу с 1 сентября 2026 г.).

ясен. Согласно ст. 2 Закона о защите, прав потребителей, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила о защите прав потребителей, чем те, которые предусмотрены настоящим Законом, применяются правила международного договора. Из текста Единых правил следует, что они должны применяться на территории двух государств, следовательно, российское национальное законодательство применяется в части, не противоречащей Единым правилам, контрагенты потребителей должны в своей деятельности применять Единые правила. Следует констатировать, что ни хозяйствующие субъекты, ни суды не учитывают положения Единых правил при рассмотрении споров с участием потребителей, несмотря на то, что их нормы существенно меняют действующий механизм защиты прав потребителей, заложенный в Законе.

В силу своей новизны Единые правила в области защиты прав потребителей еще не стали предметом научного исследования, что несколько обескураживает, поскольку принятие данного международного нормативного правового акта значительно влияет не только на права и обязанности субъектов правоотношений с участием потребителей, но и вводит в гражданский оборот новый объект – цифровой продукт, устанавливая особенности защиты прав потребителей в его отношении.

Методология

В основу проведения исследования положен всеобщий диалектический метод научного познания. Для получения достоверных результатов и выводов использовались: общенаучный метод анализа, эмпирические методы описания, обобщения, интерпретации, позволившие получить знания о содержании Единых правил в области защиты прав потребителей, выделить ее специфику в части формирования порядка осуществления защиты прав потребителей и механизма

их защиты. Использование системного метода привело к структурированному изложению материала, позволило сформулировать положения о совокупности особенностей защиты прав потребителей через положения Единых правил. Формально-юридический метод и метод системного толкования правовых норм применялись при изучении содержания Единых правил в области защиты прав потребителей и выделения специфики осуществления и защиты прав потребителей.

Результаты и их обсуждение

Важность принятия и применения Единых правил для экономики Российской Федерации, потребительского рынка сложно переоценить. В Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 1837-р, международному сотрудничеству уделено пристальное внимание. В частности, в разделе III «Цели, задачи и приоритетные направления реализации Стратегии» несколько раз упоминается о необходимости его расширения, продолжении совершенствования законодательства Российской Федерации о защите прав потребителей, своевременной его актуализации с учетом норм международного права и возможности последующей его кодификации¹. В связи с этим появление Единых правил есть следствие реализации вышеуказанной стратегии, что позволяет говорить о ее результативности.

¹ Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 28 авг. 2017 г. № 1837-р // Гарант: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71659142/?ysclid=mct7baws7g651712599> (дата обращения: 11.06.2025).

Анализ содержания Единых правил позволяет сделать вывод о весьма кардинальной модернизации механизмов защиты прав потребителей товаров (работ, услуг), включая значительное расширение дефинитивного аппарата. Следует учитывать, что с 1 сентября 2025 г. вступают в силу изменения, внесенные в Закон о защите прав потребителей, в том числе в основные понятия, что свидетельствует о необходимости установления специфики осуществления прав потребителей и механизма их защиты, устанавливаемых Едиными правилами.

Цифровой продукт и все, все, все

Преамбула Единых правил насчитывает 19 основных терминов¹. Структурно их можно разделить на группы:

- определяющие субъектный состав правоотношений с участием потребителя (потребитель, изготовитель, исполнитель, продавец², представитель изготовителя, продавца, поставщика, импортера, исполнителя, импортер, поставщик, агрегатор информации о продукции, уполномоченные органы в сфере защиты прав потребителей);

- формирующие объекты, по поводу которых возникают правоотношения с участием потребителей (товар, результат работы, услуга, цифровой продукт), с обобщающим понятием «продукция»;

- направленные на обеспечение права потребителя на качество продукции (качество продукции, недостаток (ненад-

лежащее качество) продукции, существенный недостаток продукции, безопасность продукции).

Представляется, что содержательное наполнение как новых, так и измененных основных понятий заслуживает самостоятельной правовой оценки, поскольку в сравнении с национальным законодательством оказывает значительное влияние на осуществление прав потребителей и их защиты. В частности, уточнение понятия «существенный недостаток продукции» решает проблему оценки «несоразмерные расходы»³ и «несоразмерные затраты времени»⁴.

Еще более значимым является появление в правовом поле дефиниции «цифровой продукт». Согласно Единым правилам, под цифровым продуктом понимается «*объект гражданских прав* (курсив наш. – В.В.), зафиксированный с помощью цифровых технологий (преобразованный в цифровой формат) посредством создания записи о нем в информационной системе (системах), в которой происходит взаимодействие с потребителем по поводу этого объекта, в том числе программы и элементы программ для ЭВМ (включая порождаемые программой аудиовизуальные отображения), фонограммы, аудиовизуальные произведения, мультимедийные продукты и другие результаты интеллектуальной деятельности, преобразованные в цифровой формат

¹ Закон РФ «О защите прав потребителей» в настоящее время дает определение 10 дефинициям, Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» – 21.

² Единые правила в отношении определения правового статуса продавца, исполнителя, изготовителя устанавливают, что ими могут выступать также физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. Другие поименованные в преамбуле контрагенты должны быть либо организациями, либо индивидуальными предпринимателями.

³ 30 и более процентов от стоимости продукции, определяемой на момент устранения недостатков.

⁴ Срок, превышающий предельные сроки, установленные Едиными правилами для безвозмездного устранения недостатков по требованию потребителя. Отметим, что Единые правила значительно снижают срок на устранение выявленных недостатков по сравнению с Законом РФ о защите прав потребителей: 45 дней против 14 дней. Полагая, такой срок в контексте трактовки существенного недостатка является недостаточным.

и предназначенные для реализации потребителям (использования за плату)». защите прав потребителей цифровых продуктов в Единых правилах посвящена самостоятельная глава.

Исходя из содержания определения «цифровой продукт», можно сделать вывод, что Едиными правилами установлено понятие объектов гражданских прав в цифровой форме. В этой связи возникают закономерные вопросы о правовом режиме цифровых продуктов, их соотношении с цифровыми правами, а, как представляется, главное – соотношении с законодательством об интеллектуальной собственности. Как отмечает А. В. Гурко, «цифровые права существуют только в рамках информационной системы, в то время как интеллектуальные права действуют и охраняются... независимо от того, внесены ли объекты данных прав в какую-либо информационную систему или нет. Оператор не вправе отменять интеллектуальные права на контент или изменять объем этих прав... интеллектуальные авторские права нельзя назвать цифровыми правами, даже если объекты таких прав внесены в какую-либо информационную систему» [8, с. 55]. В.В. Акинфеева констатирует, что «права не на все цифровые активы корректно квалифицировать в качестве цифровых, а только на те, которые соответствуют установленным законом требованиям... такие права должны быть названы таковыми законом..., а также существовать в цифровой среде не автономно, а только в связке с определенной информационной платформой» [9, с. 400–401].

Исходя из легальных определений «цифровые права» и «информационная система», дефиниция «цифровой продукт» вполне может подпадать под понятие цифровых прав: «...посредством создания записи о нем (цифровом продукте. – В.Б.) в информационной системе (системах), в которой происходит взаимодействие с потребителем по поводу этого

объекта...». И именно здесь возникает противоречие между правовой природой цифрового продукта и законодательством об интеллектуальной собственности в контексте реализации прав потребителей. Так, согласно ст. 44 Единых правил, потребитель в случае обнаружения в цифровом продукте недостатков, если они не были оговорены продавцом¹, по своему выбору вправе, наряду с другими, потребовать *возмещения расходов на их исправление потребителем или третьим лицом* (курсив наш. – В.Б.). Возникает парадоксальная ситуация: потребитель получает право вносить какие-либо изменения в объект интеллектуальной собственности.

Кроме того, в ст. 43 Единых правил упоминается не только о цифровом продукте, но и доступе к нему: «...продавец (агрегатор) обязан предоставить потребителю цифровой продукт (доступ к цифровому продукту) незамедлительно после заключения договора...». Таким образом, с точки зрения определения предмета договора «обеспечение предоставления доступа» может быть самостоятельным предметом, что существенным образом влияет на реализацию прав потребителей.

Представляется, что включение в Единые правила положений о защите прав потребителей цифровых продуктов – важная веха на пути к совершенствованию законодательства о защите прав потребителей в условиях цифровизации, но заложенный механизм не согласован с законодательством об интеллектуальной собственности, что, несомненно, породит проблемы правоприменения.

¹ Если мы говорим о цифровом продукте как объекте интеллектуальной собственности, то порядок отчуждения права на него регулируется 4 частью ГК РФ и права на этот продукт должны передаваться по договору на отчуждение интеллектуального права или лицензионному соглашению. Возникает вопрос о наличии прав у «продавца» на этот цифровой продукт.

Некоторые элементы механизма гражданско-правовой защиты прав потребителей по Единым правилам

Разработчики Единых правил сохранили традиционный подход к структуре изложения норм о защите прав потребителей, подтвердивший статус института защиты прав потребителей как комплексного, примат охранительных норм: преамбула, общие положения, включающие в себя общие права потребителей и отдельные условия их реализации и защиты, три главы, регламентирующие защиту прав потребителей при продаже товаров, выполнении работ (оказании услуг), реализации цифровых продуктов и государственную и общественную защиту прав потребителей.

Традиционно для защиты прав потребителей первая глава Единых правил посвящена праву на качество и безопасность продукции (4 статьи), на информацию и его реализации (6 статей), ответственности контрагентов потребителей, на добросовестные условия договора, нормы о специфике процессуальной защиты. Появилась самостоятельная норма (ст. 14) о реализации «условно бесплатных товаров (работ, услуг)». Ее содержание не выдерживает никакой критики с точки зрения системного единства: названа «Защита прав потребителей при реализации условно бесплатных товаров (работ, услуг)»¹, а в содержании указывается на реализацию продукции² на безвозмездной основе (курсив наш. – В.Б.). Учитывая, что презюмируется возмездность правоотношений с участием потребителей, могущая порождать отдельные правовые связи безвозмездного характера (в частности, гарантийное обслуживание), о смысле нормы остается только догадываться.

Впечатляюще выглядит п. 8 ст. 8 Единых правил, устанавливающий, что «за нарушение прав потребителей ответ-

ственность наряду с изготовителем (исполнителем, продавцом, поставщиком, представителем, импортером, агрегатором) *несут учредители (участники, руководители) изготовителя (исполнителя, продавца, поставщика, представителя, импортера, агрегатора)* (курсив наш. – В.Б.), к которым потребитель вправе по своему выбору предъявить требования, предусмотренные настоящими Едиными правилами». Однако совершенно за скобками осталось указание на вид ответственности: самостоятельная или субсидиарная? А в корреляции с содержанием п. 2 ст. 12 Единых правил о подсудности споров с участием потребителей позволяет сделать вывод, что об этих субъектах ответственности в ней «забыли». Следовательно, процессуальный механизм реализации этого права остался в рамках правовой неопределенности.

К числу новелл, не известных Закону РФ о защите прав потребителей, следует отнести введение порядка проведения *экспертизы достоверности информации* (п. 5 ст. 9), *предоставленной потребителю, возможность заключения соглашения о компенсации морального вреда* (п. 5 ст. 11), *снижение сроков безвозмездного устранения недостатков – не превышающий 14 дней* (п. 1 ст. 21, п. 1 ст. 33), *удовлетворения отдельных требований потребителя – в течение 7 дней, а при необходимости проведения экспертизы – 14 дней* (ст. 23), *о возврате предварительно уплаченной суммы за товар – в течение 7 дней* (п. 4 ст. 25), новая глава о защите прав потребителей при реализации цифровых продуктов (ст. 43–48).

В отношении претензионных процедур подход не изменился: предъявление претензии по общему правилу не является обязательным. В научной литературе этот подход многократно подвергался критике (Е.Ю. Булатецкий [10, с. 385], Э.Г. Корнилов [11], М.Ю. Чельшев, Д.Х. Валеев [12]), в том числе и автором настоящей статьи). Однако законодатель, несмотря на фактическое применение в

¹ В названии не заложен обобщающий термин «продукция».

² Здесь уже термин используется.

абсолютном большинстве случаев, его превентивный потенциал профилактики злоупотребления правом со стороны потребителей, отказывается от легализации обязательности претензионного порядка урегулирования споров. Более того, как и в Законе о защите прав потребителей (ст. 16), так и в Единых правилах (ст. 13), установление обязательного претензионного порядка в условиях договора относится к недопустимым. В связи с этим хочется отметить, что законодательство о защите прав потребителей начинается не с Закона о защите прав потребителей, а с положений ГК РФ (в частности, ст. 483 об извещении продавца о нарушении договора, ст. 452 о порядке изменения и расторжения договора), охватывающего весь гражданский оборот, в том числе между потребителями и их контрагентами.

Проведение досудебных экспертиз осуществляется за счет средств контрагента потребителя. Вместе с тем в отличие от регулирования процедуры проведения экспертизы при возникновении недостатков товаров (работ, услуг) более детально регламентирована досудебная экспертиза достоверности информации. Так, согласно п. 5 ст. 9 Единых правил, «при возникновении... спора о достоверности предоставленной информации о продукции продавец (изготовитель, поставщик, представитель, импортер, исполнитель) обязан провести экспертизу достоверности информации за свой счет ...*О месте и времени проведения экспертизы потребитель должен быть извещен в письменной форме* (курсив наш. – В.Б.). Потребитель вправе принять участие в проведении экспертизы лично или через своего представителя, а также оспорить заключение экспертизы в судебном порядке». Как представляется, выделенная нами обязанность по уведомлению о времени и месте проведения экспертизы является важной гарантией соблюдения прав потребителя, в связи с чем отсутствие таких требований при

проведении экспертизы качества товаров (работ, услуг) видится непоследовательным.

Формулировка «достоверность информации» в настоящее время не имеет единого понимания, что усложняет определение предмета экспертизы. Достоверность информации и своевременность ее предоставления – один из принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, закрепленный в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Законодательство о защите прав потребителей не содержит ни самого определения, ни критериев достоверности предоставляемой потребителям информации.

В юридической литературе достоверность связывают непосредственно с товаром (работой, услугой). С.П. Гришаев пишет, что достоверность информации «означает ее точное соответствие действительным свойствам товара» [13], Е.М. Чагина – «соответствие действительности и отражение ею реальных свойств и качества соответствующего товара (работы, услуги)» [14]. Думается, что достоверность информации возможно было бы определять через норму о составе информации о продукции (п. 2 ст. 17 Единых правил), однако в нее входят сведения, относящиеся не только к свойствам или качеству. В связи с этим весьма позитивная задумка может породить массу проблем при правореализации.

Государственные и общественные формы защиты прав потребителей в целом не претерпели никаких модернизаций. Дополнительных процессуальных преференций российским потребителям не предоставлено: ст. 12 Единых правил полностью повторяет содержание ст. 17 Закона РФ о защите прав потребителей. Что касается содержания ст. 44 Закона Республики Беларусь «Судебная защита

прав потребителей» и ст. 47 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, то в свете принятия Единых правил процессуальный механизм защиты прав белорусского потребителя улучшился.

Претерпела изменения норма о компенсации морального вреда (ст. 15 Закона РФ о защите прав потребителей). Редакция Единых правил (ст. 11) фактически идет вразрез со сложившейся практикой применения данного способа защиты в России. В частности, указано, что он применяется при наличии вины причинителя вреда¹ (п. 1 ст. 11 Единых правил), размер определяется судом в зависимости от степени вины причинителя вреда в случае, когда его вина является основанием для возмещения вреда (п. 3 ст. 11 Единых правил), устанавливает компенсацию только в денежной форме (п. 2 ст. 11 Единых правил)². В научной литературе не раз высказывалось мнение, что российский подход к компенсации морального вреда только на основании подтвержденного факта нарушения прав по-

требителей является некорректным [15, с. 103–104]. Думается, что подход, изложенный в Единых правилах, верен: компенсация морального вреда как способ защиты прав потребителей должен применяться при наличии вины причинителя. В развитии законодательства о защите прав потребителей и предотвращения злоупотребления правом видится обоснованным введение опровержимой презумпции причинения морального вреда.

Судебная защита прав потребителей, декларируемая в Единых правилах, лишь частично повторяет содержание ст. 17 Закона РФ о защите прав потребителей: из нее исключены нормы об особенностях защиты прав потребителей финансовых услуг и добавлены особенности доведения до сведения решения суда, состоявшегося в пользу защиты прав неопределенного круга потребителей³.

Вопросы злоупотребления правом в отношениях с участием потребителей, средства его преодоления в Единых правилах отражения не нашли. Несмотря на то, что проблематика злоупотребления правом со стороны потребителей все больше актуализируется (в частности, этой проблеме посвящены работы В.А. Масловой [16], Е.Ю. Усольцева [17; 18] и др.), правотворец не спешит законодательно даже в общих чертах определять границы добросовестного поведения потребителя через декларирование недопущения проявлений недобросовестного поведения и злоупотребления правом со стороны потребителя, оставляя этот вопрос на усмотрение судов.

Выводы

Принятие Единых правил породило за собой весьма неоднозначное состояние правовой неопределенности. С одной стороны, ст. 2 Закона о защите прав по-

¹ Как отмечено в п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя (курсив наш. – В.Б.).

² Согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», причинитель вреда вправе добровольно предоставить потерпевшему компенсацию морального вреда как в денежной, так и в иной форме (например, в виде ухода за потерпевшим, в передаче какого-либо имущества (транспортного средства, бытовой техники и т.д.), в оказании какой-либо услуги, в выполнении самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание (смягчение) физических и нравственных страданий потерпевшего).

³ Единые правила не содержат специальной статьи о защите прав неопределенного круга потребителей в отличие от Закона РФ о защите прав потребителей.

требителей устанавливает примат международных договоров над национальным законодательством, а в силу п. 1 ст. 60 Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. декреты Союзного государства предназначены для общего применения и подлежат прямому применению на территории каждого государства-участника после их официального опубликования. С другой стороны, прецедентов прямого использования декретов Союзного государства в отношениях, в которых хотя бы опосредованно затрагиваются интересы потребителя, нет. Такая ситуация создает для всех контрагентов потребителей ситуа-

цию правовой неопределенности и подвергает значительному риску ввиду существенных изменений механизма защиты прав потребителей. Представляется, что влияние Единых правил на российское законодательство о защите прав потребителей еще предстоит установить. Но будучи приверженцем сбалансированного подхода к осуществлению и защите прав потребителей, отметим, что Единые правила, хотя и направлены на гармонизацию и повышение эффективности защиты прав потребителей, тем не менее многие задачи не решают, что дает повод к их критической оценке в перспективе применения.

Список литературы

1. Мельник В.Д. Тенденции правового регулирования онлайн-разрешения споров на международном пространстве // *Цивилист*. 2024. № 4. С. 60-65.
2. Мельник В.Д. О создании онлайн-сервиса урегулирования потребительских споров в Российской Федерации // *Гражданский и арбитражный процесс*. 2022. № 7. С. 28-59.
3. Мельник В.Д. О некоторых особенностях интернет-споров, возникающих их сделок, совершенных на маркетплейсах // *Российское право: образование, практика, наука*. 2023. № 5. С. 47-57.
4. Белов В.А. Электронная торговля: понятие, правовое регулирование и судебная практика // *Вестник арбитражной практики*. 2021. № 4. С. 11-20.
5. Белов В.А. Смарт-торговля (цифровая торговля): основные положения о цифровизации договорных отношений с участием потребителей // *Вестник арбитражной практики*. 2022. № 3. С. 17-23.
6. Шерстобитов А.Е. Защита прав потребителей в современном российском гражданском праве // *Журнал российского права*. 2023. № 5. С. 116-125.
7. Лепёшин Д.А., Петкилёв П.И. Ответственность маркетплейса – информационного посредника // *Цивилист*. 2025. № 4 (56). С. 14-20.
8. Гурко А. Авторские права vs цифровые права // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2020. № 4. С. 51-56.
9. Акинфиева В.В. Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики // *Пермский юридический альманах*. 2020. № 3. С. 397-407.
10. Булатецкий Ю.Е. Потребительское право. М.: Норма, 2012. 416 с.
11. Корнилов Э.Г. Гражданско-процессуальные проблемы защиты прав потребителей // *Хозяйство и право*. 1999. № 11. С. 37-42.
12. Чельшев М.Ю., Валеев Д.Х. О совершенствовании судебного и внесудебного порядков защиты прав потребителей // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2010. № 5. С. 16-20.
13. Гришаев С.П. Комментарий к Закону о защите прав потребителей (постатейный) // *Гарант: сайт*. 2017. URL: <https://base.garant.ru/57204267/> (дата обращения: 21.05.2025).

14. Чагина Е.М. Обеспечение прав потребителя на информацию // Защита прав потребителей: в поисках оптимальной модели: монография / отв. ред. С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2021. С. 93-108.
15. Эрделевский А.М. О презумпции причинения морального вреда // Хозяйство и право. 2017. № 11. С. 102-108.
16. Маслова В.А. Злоупотребление своими правами со стороны потребителя при заключении и исполнении договора строительного подряда // Законодательство. 2018. № 11. С. 19-28.
17. Усольцев Е.Ю. Понятия «потребительский экстремизм» и «злоупотребление потребителем правом»: сравнительный анализ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 12. С. 108-112.
18. Усольцев Е.Ю. Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 131-139.

References

1. Mel'nik V.D. Trends in the legal regulation of online dispute resolution in the international space. *Tsivilist = Civilist*. 2024;(4):60-65. (In Russ.)
2. Mel'nik V.D. On the creation of an online service for the settlement of consumer disputes in the Russian Federation. *Grazhdanskii i arbitrazhnyi protsess = Civil and Arbitration Process*. 2022;(7):28-59. (In Russ.)
3. Mel'nik V.D. On some features of Internet disputes arising from transactions made on marketplaces. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: education, practice, science*. 2023;(5):47-57. (In Russ.)
4. Belov V.A. Electronic commerce: concept, legal regulation and judicial practice. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*. 2021;(4):11-20. (In Russ.)
5. Belov V.A. Smart trading (digital trading): the main provisions on digitalization of contractual relations with the participation of consumers. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*. 2022;(3):17-23. (In Russ.)
6. Sherstobitov A.E. Consumer Rights Protection in modern Russian Civil Law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;(5):116-125. (In Russ.)
7. Lepeshin D.A., Petkilev P.I. Responsibility of the marketplace information intermediary. *Tsivilist = Civilist*. 2025;(4):14-20. (In Russ.)
8. Gurko A. Copyright vs digital rights. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*. 2020;(4):51-56. (In Russ.)
9. Akinfieva V.V. Utilitarian digital rights in modern conditions of economic transformation. *Permskii yuridicheskii al'manakh = Perm Law Almanac*. 2020;(3):397-407. (In Russ.)
10. Bulatetskii Yu.E. Consumer law. Moscow: Norma; 2012. 416 p. (In Russ.)
11. Kornilov E.G. Civil procedure issues of consumer protection. *Khozyaistvo i pravo = Economy and law*. 1999;(11):37-42. (In Russ.)
12. Chelyshev M.Yu., Valeev D.Kh. On improving judicial and non-judicial procedures for consumer protection. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2010;(5):16-20. (In Russ.)
13. Grishaev S.P. Commentary to the Law on consumer rights protection (article-by-article). *Garant*: site. 2017. (In Russ.). Available at: <https://base.garant.ru/57204267/> (accessed 21.06.2025).
14. Chagina E.M. Ensuring the consumer's rights to information. In: Sinitsyn S.A., Shelyutto M.L. (eds.) Consumer protection: in search of an optimal model. Moscow: Yuridicheskaya firma "Kontrakt"; 2021. P. 93-108. (In Russ.)

15. Erdelevskii A.M. On the presumption of moral harm. *Khozyaistvo i pravo = Economy and law*. 2017;(11):102-108. (In Russ.)
16. Maslova V.A. Abuse of one's rights by the consumer during the conclusion and execution of a construction contract. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2018;(11):19-28. (In Russ.)
17. Usol'tsev E.Yu. The concepts of "consumer extremism" and "abuse of consumer rights": a comparative analysis. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*. 2021;(12):108-112. (In Russ.)
18. Usol'tsev E.Yu. Interest as a basis for qualifying consumer abuse of law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Current problems of Russian law*. 2022;(12):131-139. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Богдан Варвара Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kurskpravo@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9686-4687

Varvara V. Bogdan, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Head of Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: KurskPravo@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9686-4687